

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Матеріалы для его біографіи.

ГЛАВА 2-я. Лицей.

Въ предыдущей главѣ, излагая первые годы жизни Пушкина, мы упомянули о томъ, что переходя изъ младенчества въ отроческій возрастъ, онъ уже сдѣлался предметомъ толковъ и споровъ въ небольшомъ кругу родныхъ и знакомыхъ, обнаруживая высокія способности, быструю понятливость, удивительную память, остроту ума, наконецъ талантъ стихотворческій.

Понятно, что родители и родственники стали заботливѣе думать о воспитаніи такого ребенка, и недовольные воспитаніемъ домашнимъ, которое при упомянутой смѣнѣ учителей и гувернеровъ не могло быть удовлетворительно, рѣшились отдать его въ общественное учебное заведеніе. Въ то время, т. е. около 1811 года, еще славился своимъ устройствомъ и воспитанниками благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, состоявшій подъ вѣдѣніемъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. Мы не знаемъ, отчего Сергѣй Львовичъ не отдалъ сына въ этотъ пансіонъ. Можетъ быть направленіе пансіона не совсѣмъ согласовалось съ образомъ его мыслей. Родители Пушкина нарочно поѣхали въ Петербургъ, чтобы развѣдать,

куда бы лучше помѣстить сына ¹⁾). Въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ пользовался извѣстностью благородный іезуитскій институтъ ²⁾); но въ высшемъ обществѣ, къ кому принадлежалъ Сергѣй Львовичъ, особенно славился одинъ частный пансіонъ, учрежденный и прекрасно устроенный аббатомъ Никодемъ, въ послѣдствіи устроителемъ Ришельевскаго лица, и въ то время находившійся въ вѣдѣніи нѣкоего аббата Макара. Тамъ воспитывались дѣти изъ лучшихъ семействъ. Туда же намѣревались отдать и Пушкина ³⁾). Невольно подумаешь о томъ, что стало бы съ нимъ, какое бы получилъ онъ направленіе подъ руководствомъ аббата. Кажется не ошибемся, если скажемъ, что къ счастью его, въ то время открывался лицей въ Царскомъ Селѣ.

Лицей, прекрасный памятникъ заботливости Государя Александра Павловича о просвѣщеніи Россіи, имѣлъ на Пушкина вліяніе

---

¹⁾ Изъ записки Ольги Сергѣевны Павлицевой.

²⁾ Институтъ этотъ учрежденъ и открытъ былъ въ январѣ 1803 года, состоялъ изъ 5 классовъ и воспитывалъ болѣе 60 мальчиковъ. Всѣ преподаватели, кромѣ священника, обучавшаго Закону Божію воспитанниковъ Грекороссійскаго исповѣданія, были изъ іезуитскаго ордена. См. „Періодическое сочиненіе объ успехахъ народнаго просвѣщенія“, 1814 года, № XXXVIII.

³⁾ Объ этомъ говорится въ запискѣ О. С. Павлицевой.

рѣшительное. Не говоримъ уже о томъ, что постоянная жизнь въ Царскосельскомъ уединеніи, посреди прекрасныхъ тамошнихъ садовъ, питала въ немъ чувство изящнаго и любовь къ природѣ;—лицей подѣйствоваль и на умъ его, сообщивъ его мыслямъ определенное направленіе, и на сердце, давъ возможность рано развиться нѣжнымъ склонностямъ дружбы, чувствамъ чести и товарищества, однимъ словомъ, онъ вполне раскрылъ всѣ его способности. Пушкинъ вспоминалъ о лицей, какъ объ отеческомъ кровѣ, какъ о родимой обители. Въ 1827 году, посѣтивъ Царское Село въ первый разъ послѣ семилѣтней отлучки, онъ обращался къ садамъ его съ такими стихами:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ свя-
 щенный

Вхожу съ поникшею главой.
 Такъ отрокъ Библии—безумный расточитель—
 До капли истощивъ раскаянья фѣаль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главой поникъ и зарыдалъ....

Во многихъ другихъ стихотвореніяхъ видна таже нѣжная привязанность. И такъ мы обязаны поговорить о лицей сколько возможно подробнѣе.

Мысль объ основаніи его возникла въ первой половинѣ 1810 года. Кто сочинялъ уставъ или постановленіе о лицей, неизвѣстно. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумов-

скій сообщалъ проектъ этого постановленія знаменитому Французскому писателю графу Юсифу Местру, проживавшему въ то время въ Петербургъ, гдѣ онъ находился прежде въ качествѣ Сардинскаго посланника. Графъ Местръ написалъ къ Разумовскому нѣсколь-ко писемъ, въ которыхъ съ своей католиче-ской точки зрѣнія и какъ бы радбя іезуи-тамъ, рѣшительно отказывалъ этому проек-ту въ своемъ одобреніи ⁴⁾. Но видно мнѣніе его не имѣло силы. 12-го августа того же года постановленіе о лицей было Высочай-ше утверждено.

Изъ этого постановленія ⁵⁾, излагающаго въ 149 параграфахъ всѣ подробности адми-нистративной и учебной части заведенія, узнаемъ, что «учрежденіе лицей имѣло цѣлью образованіе юношества, особенно предназна-ченнаго къ важнымъ частямъ службы госу-дарственной», что въ немъ «преподавались предметы ученія, важнымъ частямъ государ-ственной службы приличные и для благо-воспитаннаго юноши необходимо нужные», что «лицей и члены его приняты были подъ особенное Его Императорскаго Величества по-кровительство и состояли подъ непосред-ственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія», который въ концѣ каждой не-

⁴⁾ Всѣхъ писемъ 5; они писаны лѣтомъ 1810 го-да; последнее письмо отъ $\frac{18}{30}$ іюля.

⁵⁾ Оно напечатано въ Полномъ Собраніи Зако-новъ Россійской имперіи, см. Томъ XXXI, № 24. 325.

дѣли получалъ отъ директора подробную вѣдомость о состояніи лица.

Августа 19-го, именнымъ указомъ, даннымъ министру народнаго просвѣщенія, предписано было привести въ дѣйствіе постановленіе о лицѣ. Въ концѣ этого указа читаемъ: «Я питаю твердое упованіе, что заведеніе сіе вскорѣ процвѣтетъ подъ управленіемъ начальства, коему оное ввѣряется ⁶⁾».

Государь подарилъ лицу собственную бібліотеку, въ которой нѣкоторыя книги находились прежде въ личномъ его употребленіи и сохраняли драгоцѣнныя собственноручныя его замѣчанія и отмѣтки ⁷⁾. Но высокое покровительство Августѣйшаго Учредителя выразилось особенно въ томъ, что для помѣщенія лица отведена была часть Царскосельскаго дворца ⁸⁾. Главноначальство-

⁶⁾ См. Період. соч. объ успѣхахъ народн. проsv., 1810 г. № XXVIII.

⁷⁾ См. Отчетъ о состояніи лица, читанный на актѣ лица, іюня 12-го, 1850 года профессоромъ Я. В. Ханьковымъ (нынѣ Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ) и напечатанный въ «Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1850—51 годъ», стр. 22. Изъ этого отчета узнаемъ, что въ 1850—51 году бібліотека лица состояла изъ 5,756 сочиненій.

⁸⁾ Та, въ коей нынѣ имѣютъ свои комнаты пріѣзжающіе съ докладами министры и статсъ-секретари.

жавшій надъ интендантскою конторою, графъ Литта, получилъ 3-го февраля 1811 года, именный указъ объ отдачѣ Царскосельскихъ строеній, назначенныхъ для лицея, въ вѣденіе министра народнаго просвѣщенія. Невозможно было сдѣлать лучшаго выбора. Лицей такимъ образомъ пользовался и необходимымъ въ теченіе большей части года уединеніемъ, и близостью столицы, открывавшею доступъ ко всемъ учебнымъ средствамъ и пособіямъ. Дворцовыя зданія Царскаго Села ⁹⁾, построенныя еще при Елисаветѣ Петровнѣ (1744) славнымъ художникомъ Растрелли, особенно украшены и возвеличены были во дни Екатерины, коей память еще такъ свѣжо сохранялась въ то время. Слава Ея имени и царствованія одушевляла лицейство. Какъ сильны были эти впечатлѣнія, видно изъ одного ранняго стихотворенія Пушкина, *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, и особенно изъ слѣдующихъ неизданныхъ стиховъ его, напи-

---

⁹⁾ Пушкинъ писалъ иногда *Царское*, иногда *Сарское Село*. Последнее правильнѣе и древнѣе. Мѣсто это первоначально называлось *Сарскою мызою*, отъ слова *сари* или *саари*, которое на Финскомъ языкѣ означаетъ *возвышенность, холмъ, островъ* и соответствуетъ Шведскому *гольмъ*: *Кексгольмъ* прежде назывался *Кексаари*. Царское Село лежитъ выше окружающихъ его мѣстностей. См. «Исторію Села Царскаго», Ильи Яковкина. Спб. 1829 г. ч. I, стр. 31—34

санныхъ, если мы не ошибаемся, около 1827 г.
т. е. лѣтъ чрезъ 10 по выходѣ изъ лица:

»И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды.
Еще исполнены великою женою
Ея любимые сады,
Стоять—населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами,
Екатериинскихъ орловъ!
Сядутся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ!
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ
строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ
Вотъ, вотъ могучій вождь полуночнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ,
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ Наваринскій Ганнибалъ.»¹⁰⁾

2-го іюня 1811 года именнымъ указомъ,
даннымъ сенату, статскій совѣтникъ Мали-
новскій, находившійся при государственной
коллегіи иностранныхъ дѣлъ, назначенъ былъ
директоромъ лица. Василій Ѳедоровичъ Ма-
линовскій¹¹⁾, братъ извѣстнаго Алексѣя Ѳе-

¹⁰⁾ Какъ извѣстно, Екатерина воздвигла въ Цар-
скомъ Селѣ памятники Румянцову, Орлову-
Чесменскому, брату его, Ѳедору Григорье-
вичу и Ивану Абрамовичу Ганнибалу. По-
слѣдній былъ дѣдъ Пушкина по матери, что
безъ сомнѣнія возвышало въ молодомъ лице-
стѣ чувство чести и собственнаго достоинства.

¹¹⁾ О В. Ѳ Малиновскомъ мы не могли собрать

доровича, управлявшаго Московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, издавна былъ пріятелемъ Пушкиныхъ. Уже это одно должно было расположить Сергѣя Львовича къ пощещенію сына въ лицей. Сверхъ того лицей, какъ заведеніе вновь открываемое и при такой благопріятной обстановкѣ, внушало родителямъ довѣріе. Наконецъ нельзя упустить изъ виду и того обстоятельства, что лицеисты воспитывались бесплатно ¹²⁾.

Лѣтомъ 1811 года молодой Пушкинъ въ первый разъ оставилъ родной свой городъ, Москву. Дядя, Василій Львовичъ повезъ его въ Петербургъ ¹³⁾. Еще и теперь нѣкоторые

свѣдѣній. Но самое избраніе его въ директора лицея уже свидѣтельствуетъ о высокихъ нравственныхъ его качествахъ, наслѣдованныхъ отъ отца, известнаго старинному Московскому обществу, протоіерея Θεодора Авксентьевичъ. — Василій Θεодоровичъ Малиновскій издавалъ въ 1803 году въ Спб. *Осенніе вечера*; но это еженедѣльное изданіе остановилось на 8 номерахъ. — Сынъ его Иванъ Васильевичъ былъ въ лицей однимъ изъ лучшихъ друзей Пушкина.

¹²⁾ Известно по преданію Въ постановленіи ничего объ этомъ не сказано.

¹³⁾ Объ этомъ, равно какъ о пріязни Пушкиныхъ съ Малиновскимъ, говорится въ часто упоминаемой нами краткой, но драгоценной запискѣ О. С. Павлицевой. — Въ эту повздку Василій Львовичъ напечаталъ особую брошюрою (Спб. въ типографіи Шнора, 1811) свои *Два посланія* (къ В. А. Жуковскому и Д. В.

помнить, какъ онъ, вмѣстѣ съ двѣнадцати-лѣтнимъ племянникомъ, посѣщаль Московскаго пріятеля своего, тогдашняго министра юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева; разъ собираясь читать стихи свои, вѣроятно въ родѣ *Опаснаго Сосѣда*, онъ велѣлъ племяннику выдти изъ комнаты: рѣзвый, бѣлокурый мальчикъ уходя, говорилъ со смѣхомъ: «За чѣмъ вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышалъ». ¹⁴⁾

До половины августа онъ готовился ко вступительному экзамену. Доступъ въ лицей былъ довольно затруднителенъ: въ постановленіи сказано, что «на первый случай полагалось принять въ лицей не менѣе 20 и не болѣе 30 воспитанниковъ, а въ послѣдствіи времени по соображенію съ хозяйственнымъ состояніемъ лицея». ¹⁵⁾ Многіе родители пріѣхали въ Петербургъ для опредѣ-

---

Дашкову); въ послѣднемъ онъ защищается отъ нападокъ А. С. Шашкова, который печатно отозвался о немъ, что онъ научился благочестию въ Кандидѣ, а благонравію и знаніямъ въ Парижскихъ переулкахъ.

¹⁴⁾ Сообщено однимъ очевидцемъ. О томъ, что Пушкинъ въ дѣтствѣ имѣлъ свѣтлорусые волосы, см. Французскіе стихи его *Mon portrait* (т. IX, стр. 429):

J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

¹⁵⁾ На содержаніе лицея опредѣлено было отпускать ежегодно 96,545 руб. Лицей вообще содержался богато.

ленія дѣтей своихъ; ¹⁶⁾ но только 38 чело-
вѣкъ были допущены къ экзамену, и въ это
число Василью Львовичу удалось включить
племянника своего, благодаря совѣтамъ и
ходатайству Александра Ивановича Турге-
нева, въ то время служившаго при министрѣ
духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынѣ.
Могъ ли Тургеневъ думать, что этотъ маль-
чикъ, которому по добротѣ своей онъ откры-
валъ доступъ въ лицей, сдѣлается знамени-
тымъ поэтомъ, и что черезъ 26 лѣтъ онъ ока-

¹⁶⁾ Дѣти, не поступившіе въ лицей, размѣсти-
лись пансіонерами у профессоровъ, и одинъ
изъ послѣднихъ, Гауеншильдъ, образовалъ у
себя довольно значительное заведеніе, которое
вскорѣ, именно въ началѣ 1813 года, было
причислено къ лицей, подъ названіемъ *благороднаго
лицейскаго пансіона*. (См. въ Пол-
номъ Собраніи Законовъ, подъ № 25,509.
постановленіе объ этомъ пансіонѣ), Изъ него
воспитанники поступали въ лицей, такъ что
лицейсты составляли высшій курсъ, а пансіо-
неры низшій. Пансіонъ помѣщался въ зданіи
прямо противъ Дворцоваго сада. Лицейсты и
пансіонеры безпрестанно видались между со-
бою. Послѣднихъ было болѣе 150 чело-
вѣкъ; въ томъ числѣ братъ Пушкина, Левъ Сер-
гѣевичъ (потомъ перешедшій въ благород-
ный пансіонъ при педагогическомъ инсти-
тутѣ) Николай Ивановичъ Павлицевъ, въ по-
слѣдствіи зять Пушкина и Павелъ Воиновичъ
Нащокинъ, еще въ то время подружившійся
съ Пушкинымъ. За пансіонеровъ брали по
1,000 р. въ годъ.

жетъ ему другую услугу: отвезетъ его тѣло на послѣднее жилище!

Августа 12-го, 38 мальчиковъ подвергнуты были предварительному испытанію, и 30 изъ нихъ, въ томъ числѣ Пушкинъ, удостоены принятія въ лицей ¹⁷⁾, на что и послѣдовало Высочайшее утвержденіе, испрошенное директоромъ лицея ¹⁸⁾.

Лицей торжественно открылся 19-го октября 1811 года, — день, незабвенный для Пушкина и его товарищей, день, въ который они потомъ ежегодно праздновали, и памяти котораго Пушкинъ посвятилъ нѣсколько лучшихъ стихотвореній своихъ ¹⁹⁾.

Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ.
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.

Съ утра всѣ члены Августѣйшей фамиліи,
(кромѣ младшихъ Великихъ Князей и Ве-

¹⁷⁾ См. первую статью В. П. Гаевского о Дельвигѣ, въ февральской книжкѣ Современника, 1853 года, стр. 63.

¹⁸⁾ См. постановленіе о лицей.

¹⁹⁾ Сюда мы относимъ стихотвореніе *19-е октября 1825 года* (томъ III, стр. 16), *19-е октября 1827 года* (тамъ же, стр. 104), двѣ *Лицейскія годовщины*, изъ коихъ одна (томъ IX, стр. 157), начинающаяся стихомъ: «Чѣмъ чаще празднуетъ лицей», написана вѣроятно въ 1831 году, въ годъ смерти Дельвига; а другая (томъ IX, стр. 235) изъ коей приведены нижеслѣдующіе стихи въ 1836 году.

ликой Княгини Екатерины Павловны, которая тогда жила въ Твери), первые чины двора, министры, члены государственнаго совѣта и проч., собрались въ придворную Царскосельскую церковь, которая вмѣстѣ была и лицейскою церковью, находясь въ серединѣ зданія и соединяя комнаты лица съ Государевыми покоями. Директоръ лицея привелъ въ церковь всѣхъ воспитанниковъ, профессоровъ и чиновниковъ открываемаго заведенія. Отслушана была литургія, и потомъ все собраніе прошло по комнатамъ лицея, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ и духовенства, которое освятило ихъ кропленіемъ святой воды. За тѣмъ всѣ собрались въ залу, гдѣ прочитаны были нѣкоторыя мѣста изъ Высочайше пожалованной лицею грамоты. Министръ просвѣщенія передалъ эту грамоту директору для храненія. За рѣчью, которую произнесъ директоръ ²⁰⁾, профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ чиновниковъ лицея и принятыхъ въ оный воспитанниковъ. Наконецъ къ симъ послѣднимъ

Сюда же можетъ быть относится столь замѣчательное по глубокому чувству стихотвореніе: *Безумныхъ лютъ угасшее веселье* (томъ III, стр. 201). — Открытіе лицея описано въ «Період. соч. объ успѣхахъ народн. просв.» 1812 г. № XXXII. См. также вышеуказанную статью Гаевского (стр. 63, 64), который пользовался архивомъ лицея.

²⁰⁾ См. «Період. соч. объ успѣхахъ нар. просв.», 1812, № XXXII.

обратился съ рѣчью профессоръ Куницынъ. Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, сохранилось въ памяти Пушкина черезъ 25 лѣтъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ стиховъ, написанныхъ въ 1836 году. Въ этой рѣчи, за которую Куницынъ получилъ орденъ, между прочимъ читаемъ: «Познанія ваши должны быть обширны, ибо вы будете имѣть непосредственное вліяніе на благо цѣлаго общества. Государственный человѣкъ долженъ знать все, что только прикасается къ кругу его дѣйствія. . . Государственный человѣкъ, будучи возвышенъ надъ прочими, обращаетъ на себя взоры своихъ согражданъ; его слова и поступки служатъ для нихъ примѣромъ. Если нравы его безпорочны, то онъ можетъ образовать народную нравственность болѣе собственнымъ примѣромъ, нежели властію.... Благорастворенный воздухъ, безмолвное уединеніе, воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семь мѣсть Августѣйшаго Внука Ея, воскреляетъ младые таланты... Вы ли не устращитесь быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія? Нѣтъ! да не развратить мысль сія вашего воображенія. Любовь къ славѣ и отечеству должна быть вашимъ руководителемъ!» ²¹⁾ По окончаніи рѣчи, Государь осмо-

---

²¹⁾ Рѣчь эта, названная *Наставленіемъ о цѣли и пользѣ воспитанія ихъ* (т. е. лицействоу)

трѣль помѣщеніе воспитанниковъ ²²⁾ и удостоилъ своего присутствія обѣденный столъ ихъ. Торжество заключилось илллюминаціею.

Это происходило въ четвергъ. Черезъ четыре дня, въ понедѣльникъ, 23-го октября, началось въ лицѣе ученіе ²³⁾.

Преподаваніе наукъ въ лицѣе, какъ и все внутреннее устройство его, имѣло особенный характеръ. Уравненный въ правахъ съ Русскими университетами ²⁴⁾, онъ не походилъ на сіи послѣдніе уже по самому воз-

---

напечатана въ вышеупоминаемомъ «Періодическомъ сочиненіи», № XXXII, 1812 года. Въмѣствъ съ рѣчью директора Маиновскаго она оттиснута была въ числѣ 300 экземпляровъ, которые розданы были посѣтителямъ въ день открытія лица и разосланы по ученымъ и учебнымъ заведеніямъ. См. у г. Гаевского, стр. 64.

²²⁾ Собственное помѣщеніе лицѣистовъ состояло изъ отдѣльныхъ комнатъ, которыя шли въ два ряда, раздѣляемая корридоромъ. По концамъ корридора стояли двѣ огромныя умывальницы. Каждый воспитанникъ имѣлъ особую комнату, съ кроватю и всеми необходимыми принадлежностями. Въ одной изъ этихъ комнатъ помѣщался надзиратель. Проволочныя рѣшетки въ верхнихъ половинахъ дверей давали возможность изъ корридора видѣть, что дѣлалось въ комнатахъ.

²³⁾ См. у г. Гаевского, стр. 65.

²⁴⁾ См. постановленіе. Лицей даже превышаетъ университеты: воспитанники его могутъ получать въ гражданской службѣ отъ 14 до 9-го

расту своихъ питомцевъ, которые при поступленіи имѣли отъ 10 до 12 лѣтъ ²⁵⁾; но, съ другой стороны, въ высшемъ, четвертомъ курсѣ лица преподавалось ученіе, обыкновенно излагаемое только съ университетскихъ кафедръ. Такимъ образомъ онъ соединялъ въ себѣ характеры такъ называемыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Лицействъ, въ теченіе шести лѣтъ, узнавалъ науки отъ первыхъ начатковъ до философическихъ обзрѣній.

Въ «постановленіи о лицее» подробно изложены предметы, способъ и распредѣленіе преподаванія. Тамъ сказано, что «самое большое число часовъ въ недѣлю должно посвящать обученію грамматики, наукъ историческихъ и словесности, особливо языкамъ иностраннымъ, которые должны быть преподаваемы ежедневно не менѣе 4 часовъ.» Директору вмѣнялось въ обязанность стараться о томъ, чтобы воспитанники разговаривали между собою на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ поденно. Языкамъ Греческому, Англійскому и Итальянскому вовсе не учили. Латинскому языку дано было второстепенное мѣсто; его причислили къ кафедрѣ Русской словесности, которую занималъ профессоръ Николай Федоровичъ Кошанскій ²⁶⁾. Онъ училъ также и языку цер-

---

класса, а въ военную поступаютъ наравнѣ съ воспитанниками Пажескаго корпуса.

²⁵⁾ Тамъ же

²⁶⁾ Кошанскій пріобрѣлъ общую извѣстность сво-

ковно-Славянскому. Въ § 45 постановленія читаемъ: «Ученіе Славянской грамматики для кореннаго познанія Россійскаго слова необходимо; а потому и должно быть обращено на часть сію особенное вниманіе.» На

ими общею и частною реториками, которыя лишь въ недавнее время вышли изъ употребленія. Пушкинъ не учился по этимъ руководствамъ: Общая реторика (имѣвшая 9 изданій) появилась въ первый разъ въ 1829 году, а частная (5 изданій) въ 1832 году. Кромѣ того Кошанскій извѣстенъ своею Латинскою грамматикою, составленною по Бредеру, имѣвшею 11 изданій (уже въ 1823 году 3-е изданіе), Корнелиемъ Непотомъ и баснями Федре. Онъ напечаталъ также нѣсколько переводовъ. Кошанскій по смерти Малиновскаго нѣсколько времени исправлялъ должность директора лицея (см. памятную книжку лицея на 1852—1853 годъ, стр. 66). Г. Гаевскій, на 68 стр. первой статьи своей о Дельвигѣ, говоритъ, что въ послѣдній годъ пребыванія въ лицей Пушкина, Кошанскаго замѣнилъ профессоръ П. Г. Георгіевскій. Кажется это не такъ: при описаніи выпускнаго акта, 1817 года, Кошанскій упоминается въ числѣ профессоровъ; про него сказано, что онъ получилъ орденъ Св. Владимира 4-й степени. (См. Сынъ Отеч. 1817 года, № 26, стр. 277). Заимствуемъ у г. Гаевскаго слѣдующее любопытное и характеристическое извѣстіе. П. А. Плетневъ сочинилъ посланіе къ Дельвигу, начинавшееся вопросомъ: «Дельвигъ, гдѣ ты учился языку боговъ?» — «У Кошанскаго», отвѣчалъ Дельвигъ.

послѣднемъ курсѣ лицеисты слушали исторію изящныхъ искусствъ по Винкельману. Вообще въ преподаваніи словесности или «изящныхъ письменъ», какъ названа она въ постановленіи, главнымъ почиталось чтеніе образцовъ. Рядомъ съ нимъ дѣятельно шли практическія упражненія, и ученики подавали Кошанскому свои сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, обычай можетъ быть перепесенный изъ Московскаго университетскаго пансіона, въ которомъ Кошанскій учился и, кажется, нѣкоторое время былъ преподавателемъ. Объ этихъ стихотворныхъ упражненіяхъ въ классѣ, сохранился забавный анекдотъ. Профессоръ задалъ въ классѣ написать сочиненіе на тему: *Восходъ солнца*. Всѣ ученики написали, кто какъ умѣлъ и подали профессору свои листки и тетрадки. Остановка была за однимъ ученикомъ, который ни-какъ не могъ совладѣть съ трудною темою; у него была написана только одна фразаю: «Грядетъ съ заката царь природы». Онъ сталъ просить Пушкина помочь ему. «Изволь», отвѣчалъ Пушкинъ, и въ одну минуту прибавивъ къ приведенному началу слѣдующіе три стиха:

И изумленные народы
 Не знаютъ, что начать,
 Ложиться спать или вставать,
 подалъ листокъ профессору ²⁷⁾).

²⁷⁾ См. Москвитянинъ, 1853, № 4, стр. 107, въ Смѣси; невѣрно перепечатано изъ *Лучей*.

Объ исторіи, которую, преподавалъ столь извѣстный въ послѣдствіи профессоръ Иванъ Козмичъ *Кайдановъ*²⁸⁾, сказано въ постановленіи: «Во второмъ курсѣ исторія должна быть дѣломъ разума. Предметъ ея есть представить въ разныхъ превращеніяхъ государствъ шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ.» Въ четвертомъ курсѣ лицеисты слушали философическое обозрѣніе знатнѣйшихъ эпохъ всемірной Исторіи по Боссюэту и Феррану. Кайдановъ преподавалъ также и географію.

Что касается до способа преподаванія, то профессорамъ вмѣнялось въ обязанность «не затемнять умъ дѣтей пространнымъ изъясненіемъ, но возбуждать собственное его дѣйствіе», «не диктовать уроковъ» и «избѣгать высокопарности». «Все пышное, высокопарное, школьное, совершенно удаляемо было отъ понятія и слуха воспитанниковъ».²⁹⁾

Въ какой степени, и какимъ образомъ все это примѣнялось къ самому дѣлу, остается неизвѣстнымъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что лицейское преподаваніе было плодотворно. Лицеисты получили, и многіе изъ нихъ

---

28) Въ 1814 году въ Спб. вышли его «Основанія Всеобщей Политической Исторіи. Часть 1-я Древняя Исторія». По этой книжкѣ долженъ былъ учиться Пушкинъ. — «Краткое начертаніе Всеобщей Исторіи, соч. Ивана Кайданова» имѣло 13 изданій.

29) См. въ Постановленіи § 36 и слѣд.

навсегда сохранили, любовь къ наукъ и просвѣщенію.

Выше назвали мы двухъ профессоровъ лицея. Слѣдуетъ упомянуть и объ остальныхъ. Законоучителемъ сначала былъ священникъ Николай Васильевичъ *Музовской*, въ 1816 г. уѣхавшій въ Берлинъ для преподаванія православнаго закона Ея Величеству нынѣшней Государынѣ Императрицѣ. Мѣсто его въ Лицеѣ заступилъ временно священникъ Гавріиль *Полянскій*, а потомъ одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ нашего духовенства Герасимъ Петровичъ *Павскій* ³⁰). Психологію, логику, нравственную философію, науки политическія преподавалъ Александръ Петровичъ *Куницынъ* ³¹), самый замѣтный изъ всѣхъ ли-

³⁰ См. Памятную Книжку лицея на 1852 — 1853 г. стр. 66. Здѣсь кстати замѣтимъ, что дома, въ Москвѣ, Пушкина училъ закону Божію, кромѣ названнаго нами Александра Ивановича Бѣликова, священникъ Алексѣй Ивановичъ Богдановъ (доселѣ живущій), братъ того Петра Ивановича Богданова, который училъ князя П. А. Вяземскаго и о которомъ такъ часто упоминается въ Дневникъ Студента.

³¹) Куницынъ, пережившій Пушкина, извѣстенъ слѣдующими сочиненіями: *Изображеніе взаимной связи Государственныхъ свѣдѣній* (Спб. 1817; *Право естественное*, 2 части, Спб. 1819, 1820 *Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи*. Спб. 1843 г. — По первымъ двумъ книгамъ вѣроятно училъ Пушкинъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ

пейскихъ профессоровъ, по талантамъ, дару слова и по новости идей, которыя онъ излагалъ въ статьяхъ и, безъ сомнѣнія, въ лекціяхъ своихъ. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ А. П. Тургеневу. О лекціяхъ Куницына Пушкинъ вспоминалъ всегда съ восхищеніемъ, и лично къ нему до смерти своей сохранилъ неизмѣнное уваженіе ³²⁾. Мы увѣрены, что въ утраченныхъ запискахъ Пушкина много о немъ говорилось. — Каѳедру философіи и эстетики занималъ Александръ Ивановичъ Галичъ; объ отношеніяхъ къ нему лиценстовъ можно судить по двумъ посланіямъ Пушкина ³³⁾. —

повременныхъ изданійхъ находятся весьма замѣчательныя статьи Куницына.

³²⁾ См. Современникъ, 1838, № 2, статью П. А. Плетнева: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

³³⁾ Вотъ сочиненія Галича: *Исторія философскихъ системъ, по иностраннымъ руководствамъ составленная*, 2 части, Спб. 1818—1819; *Опытъ логики изящнаго*, Спб. 1825; *Логика выбранная изъ Клейна*, Спб. 1831 г.; *Картина чловѣка, опытъ наставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія, для всѣхъ образованныхъ сословій начертанный* Спб. 1834 г.; *Лексиконъ философскихъ предметовъ*, Томъ 1-й, Спб. 1845 г. Кроме того Галичъ перевелъ *Науку нравовъ* Герлаха. (Спб. 1833 г.) и вмѣстѣ съ В. Плаксынымъ издалъ: *Лѣтопись факультетовъ на 1835 годъ*, въ двухъ книгахъ. Посланія къ нему Пушкина находятся одно въ IX томѣ сочиненій послед-

Преподавателемъ наукъ математическихъ былъ Яковъ Ивановичъ *Карцовъ*.

Большое вліяніе, уже въ слѣдствіе частаго обращенія, вѣроятно имѣли на лицейство преподаватели обоихъ иностранныхъ языковъ. Нѣмецкому языку училъ директоръ лицейскаго пансіона, Фёдоръ Матвѣевичъ фонъ *Гауеншильдъ*, который по смерти Малиновскаго, послѣдовавшей въ началъ 1814 года, около двухъ лѣтъ исправлялъ должность директора лица ³⁴⁾. Онъ хорошо зналъ по Русски и впоследствии по желанію государственнаго канцлера, графа Н. И. Румянцева перевелъ на Нѣмецкій языкъ первые 6 томовъ исторіи Карамзина ³⁵⁾. Но Нѣмецкій языкъ не полюбился Пушкину. Не смотря на то, что лицейство обязывали говорить по-Нѣмецки, не смотря на примѣръ и внушенія Дельвига, онъ почти вовсе не зналъ этого языка.—Всѣхъ занимательнѣе и веселѣе были уроки профессора Французскаго языка, чловѣка пожилыхъ лѣтъ, эмигранта, уже давно жившаго въ Россіи, оставившаго, съ

пяго (стр. 400), другое въ Россійскомъ музеумѣ, 1815 года, ч. IV, стр. 3. О томъ, что Галичъ былъ профессоромъ въ лицей, говоритъ г. Гаевскій (стр. 80); такъ ли это, не ручаемся.

³⁴⁾ См. Гаевского, стр. 71.

³⁵⁾ Съ седьмаго тома переводъ этотъ продолжалъ подъ смотрѣніемъ самаго Карамзина докторъ философіи Эртель. См. памятную книжку Императорскаго Александровскаго лица, на 1850 и 1851 годъ.

соизволенія Екатерины II, свое настоящее имя Марата, столь страшно прославленное роднымъ его братомъ, и назвавшася Бури, по мѣсту своего рожденія во Франціи ³⁵⁾. Давыдъ Ивановичъ де Бури ³⁷⁾ училъ во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ Петербурга и всюду былъ любимъ за живой и веселый характеръ. Онъ между прочимъ переводилъ съ лицейстами на Французскій языкъ Недоросля фонъ Визина ³⁸⁾.

При исчисленіи людей, имѣвшихъ вліяніе на лицейство ³⁹⁾, нельзя пройти молчаніемъ

³⁶⁾ Лице его напоминало портреты брата. Сообщено П. В. Нащокинымъ.

³⁷⁾ Бури или Будри издалъ: *Первыя основанія Французскаго языка или новую грамматику, въ пользу Россійскаго юношества, 2 части, Спб. 1811—1812 и Сокращеніе Французской грамматики, Спб. 1819.*

³⁸⁾ Сообщено П. В. Нащокинымъ.

³⁹⁾ Въ «Спискѣ чиновникамъ Императорскаго лицея, кои получили Всемилостивѣйшія награжденія», въ 1817 г., упомянуты еще: инженеръ-полковникъ баронъ *Эльснеръ*, учитель фехтованія *Вальвиль*, учитель музыки капельмейстеръ *Тепель де Фергюзонъ*, учитель танцованія *Эбергартъ*, докторъ *Пешель* (онъ былъ и придворнымъ докторомъ) и экономъ *Роттастъ*. См. Сынъ Отеч. 1817, № 26, отъ 26 го іюня, стр. 277. Въ памятной книжкѣ лицея на 1852-1853 годъ въ спискѣ служившимъ съ 1811 года въ разныхъ должностяхъ при Лицеѣ (65—75), ко времени пребыванія Пушкина

ихъ неразлучнаго собесѣдника, учителя рисованія и гувернера, Сергѣя Гавриловича *Чирикова*, который занималъ эту должность въ теченіи многихъ лѣтъ. Лицейсты любили его. У него бывали литературныя собранія. Въ его гостиной, надъ диваномъ, долго сохранялось нѣсколько шуточныхъ стиховъ, написанныхъ на стѣнѣ Пушкинымъ ⁴⁰⁾,— Чистописанію училъ Фотій Петровичъ *Калмычъ*.

Всѣ эти люди, посреди которыхъ протекло

относятся еще слѣдующія лица: инспекторъ подполковникъ Ст. Ст. *Фроловъ* (съ 1816 г.; прежде онъ былъ надзирателемъ, а въ 1816 г. исправлялъ должность директора); надзиратели Март. Степ. *Пилецкій-Урбановичъ* (1811—13) и Вас. Вас. *Чачковъ* (1813—14); учителя Латин., Нѣм. и Франц. словесности Ал. Яков. *Решенкамнфъ* (1812—1813), физикоматемат. наукъ Вас. Мих. *Архангельскій* (съ 1815 г.), Франц. языка Кар. Егор. *Кюкюэль* (1814—1815) и Ив. Ив. *Трико* (1816), Нѣмец. баронъ Ал. Оед. *фонъ-деръ-Остенъ Сакенъ* (1817) и Вас. Андр. *Эртель* (1817); танцованія *Гюаръ* (1814—15) и *Билле* (1815—1816); гувернеръ Алексѣй Никол. *Иконниковъ* (1811—12); помощники гувернеровъ Алексан. Павл. *Зерновъ* (1811—13), Оед. Оед. *Селецкій - Джордъ* (1813—1814).

⁴⁰⁾ Въ этихъ стихахъ говорилось о литературныхъ собраніяхъ бывшихъ у Чирикова. Сообщено однимъ изъ позднѣйшихъ лицекстовъ г-номъ Унковскимъ.

отрочество Пушкина, имѣли или по крайней мѣрѣ могли имѣть на него всякаго рода вліяніе. Прямыхъ, положительныхъ свѣдѣній о пребываніи его въ лицей, не смотря на все наше стараніе, мы не могли собрать много. Собственныя его записки, въ которыхъ безъ сомнѣнія онъ говорилъ подробно о лицейской своей жизни, сожжены; изъ его товарищей до сихъ поръ еще никто не подѣлился съ публикою воспоминаніями о томъ времени. Мы принуждены довольствоваться указаніями, разсѣянными въ сочиненіяхъ Пушкина и немногими собранными свѣдѣніями.

Едва только возникъ лицей, едва устроилось въ немъ правильное преподаваніе (затрудняемое сначала неравенствомъ въ познаніяхъ воспитанниковъ ⁴¹⁾), какъ внѣшнія политическія событія отвлекли отъ него вниманіе высшаго правительства. Но гроза двѣнадцатаго года плодотворно подѣйствовала и на молодыхъ лицействова. Она оживляла и питала въ нихъ высокое чувство патріотизма, и конечно въ это время пробудилась въ душѣ Пушкина его горячая любовь къ родинѣ.

Вы помните: текла за ратью рать;
 Со старшими мы братьями прощались,
 И въ снѣ науки съ досадою возвращались,
 Завидуя тому, кто умираетъ
 Шелъ мимо насъ.... ⁴²⁾.

⁴¹⁾ См. Гаевского, стр. 66.

⁴²⁾ См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 237.

Съ какимъ чувствомъ говоритъ пятнадцатилѣтній поэтъ о пожарѣ Москвы:

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтушихъ лѣтъ
Часы безопасности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенье вамъ и
жизни....

Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ ⁴³⁾!

Блистательный конецъ отечественной войны, кровавыя славныя битвы 1813 года, наконецъ взятіе Парижа, всѣ эти чудныя событія подымали духъ народный, волновали всѣхъ и cadaго. Въ 1814 году лицеисты были ближайшими свидѣтелями народнаго торжества. Въ 20-хъ числахъ іюля Государь возвратился изъ-за границы. Въ Павловскѣ устроенъ былъ праздникъ въ честь гвардіи. Въ Царскомъ селѣ воздвиглись триумфальныя ворота ⁴⁴⁾.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ пышнаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ главный свой досугъ ⁴⁵⁾!

⁴³⁾ Тамъ же, стр. 442.

⁴⁴⁾ Эги празднества памятны мпогимъ очевидцамъ.

⁴⁵⁾ См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 237.

То было время всеобщаго одушевленія. Такое время, плодотворное для всѣхъ, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ лицахъ душевныя силы, вызываетъ къ дѣятельности природою данныя способности. Мы, не обинуясь, приписываемъ вліянію тогдашнихъ славныхъ событій быстрое развитіе поэтическаго таланта Пушкина; конечно вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что вліяніе это не было единственнымъ, что сему развитію способствовали и лицейское уединеніе, и счастливое дружество даровитыхъ отроковъ и поощренія просвѣщенныхъ наставниковъ. Муза, любившая Пушкина въ младенчествѣ, не забывала его и въ отрочествѣ.

Переходя къ разсказу о поэтической дѣятельности Пушкина въ лицей, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить читателямъ тѣ плѣнительныя выраженія, въ которыхъ самъ онъ говоритъ о ней.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицей
 Я безмятежно разцвѣталь,
 Читалъ охотно Апулея,
 А Цицерона не читалъ,
 Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
 Весной, при кликахъ лебединныхъ,
 Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
 Являться муза стала мнѣ.
 Моя студенческая келья
 Вдругъ озарилась. Муза въ пей,
 Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
 Воспѣла дѣтскія веселья,

И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны ⁴⁶⁾).

Въ 1820 г. въ Кишиневъ, писалъ онъ:

Богици мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цвѣтницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плывшіе меня въ младенческіе лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣшемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣтъ
И Царскосельскія храпительныя сны ⁴⁷⁾).

Или обращаясь къ музѣ своей:

Младенчество прошло, какъ легкій сонъ....
Ты отрока безпечнаго любила.
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посетила ⁴⁸⁾).

Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ
эго записокъ читаемъ: «Я началъ писать съ
13-ти-лѣтняго возраста ⁴⁹⁾.» Такое раннее
начало отчасти становится для насъ понят-
нымъ, когда мы вспомнимъ, что Пушкинъ,
по свидѣтельству брата своего, будучи ре-
бенкомъ, проводилъ безсонныя ночи въ каби-
нетѣ отца и тайкомъ пожиралъ книги одну

⁴⁶⁾ Евгений Овѣгинъ, первая строфа послѣдн. главы.

⁴⁷⁾ См. сочин. Пушкина, т. III, стр. 149, посла-
ніе къ Ч: . . .

⁴⁸⁾ Изъ одного неизданнаго стихотворенія.

⁴⁹⁾ См. Соч. Пушкина, т. XI, стр. 225.

за другой ⁵⁰⁾, что онъ необыкновенно рано началъ развивать свои способности и рано усвоилъ себѣ извѣстный запасъ свѣдѣній.

Какъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ около Жуковского образовалось дружеское литературное общество, такъ и въ лицейскую любовь къ стихотворству,

Охота смертная на рифмахъ лепетать собирала около Пушкина талантливыхъ отроковъ. Но направленіе и судьба этихъ дѣтскихъ литературныхъ обществъ были различны. Въ Московскомъ пансіонѣ, собранія молодыхъ любителей словесности, подъ предсѣдательствомъ Антонскаго и другихъ наставниковъ, наследственно продолжались въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ лицей они скоро были остановлены за тѣмъ, что стихи мѣшали лицейстамъ учиться. — Литературный лицейскій кружокъ образовался очень рано, едва ли не тотчасъ по открытіи лицея. Главное участіе и первенство конечно принадлежали Пушкину. Другими участниками были: Дельвигъ, Иличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Н. Г. Ржевскій, В. К. К - рь, М. Л. Яковлевъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами они вздумали издавать журналы, т. е. собирать свои произведенія, переписывать, разрисовывать, переплетать и проч. Такихъ журналовъ было четыре. Къ сожалѣнію мы ничего не

⁵⁰⁾ См. Москвит. 1853, № X, стр. 59.

можемъ сказать о содержаніи ихъ. Одинъ журналъ: *Лицейскій Мудрецъ*, остался во Флоренціи вмѣстѣ съ бумагами умершаго тамъ Николая Корсакова; остальные три: *Для удовольствія и пользы*, *Неопытное перо* и *Пловецъ*, въ 1825 году были отданы брату одного изъ лицейстовъ и недоступны любопытству біографа ⁵¹⁾.

По преданію, за достовѣрность котораго нельзя впрочемъ ручаться, первые *Русскіе* стихи Пушкинъ написалъ къ лучшему другу своего дѣтства, къ сестрѣ. Стихи эти доселѣ ходятъ гдѣ рукописи. Надо замѣтить, что родители Пушкина, помѣстивъ младшаго сына своего въ пансіонъ Гауэншильда, переселились на житье въ Петербургъ ⁵²⁾. Пушкинъ, во все пребываніе свое въ лицей, кажется, ни разу не ѣздилъ въ Москву ⁵³⁾. Выше-

⁵¹⁾ Всѣ сіи свѣдѣнія заимствованы изъ статьи г. Гаевского, стр. 69 — 71. По преданію, былъ еще лицейскій журналъ *Сверчокъ*.

⁵²⁾ Въ послѣдніе годы пребыванія Пушкина въ лицей и въ первые по выпускѣ, Сергѣй Львовичъ съ семействомъ жилъ на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева, нынѣ сенатора Трофимова. (Отъ П. А. Плетнева.)

⁵³⁾ На отъѣздъ изъ лицея, можетъ быть кратковременный, въ Петербургъ, указываетъ начало одной его лицейской элегіи:

Опять я вашъ, о юные друзья!

Туманные сокрылись дни разлуки.

См. т. IX, стр. 314.

упомянутые стихи къ сестрѣ писаны изъ лица въ Петербургъ. Они начинаются такъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
 Чтобъ я, поэтъ молодой,
 Бесѣдовалъ съ тобой
 И съ лирою забвенной.

Далѣе поэтъ переносится мечтою изъ уединенія своего подъ отчій кровь.

Тайкомъ вошедъ въ диваншу,
 Хоть помощью пера,
 О какъ тебя застапу,
 Любезная сестра!
 Чѣмъ сердце занимаешь
 Вечернею порой?
 Жанъ Жака ли читаешь,
 Жанлисъ ли предъ тобой?
 Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
 Смѣешься всей душой?
 Иль съ Греемъ и Томсономъ
 Ты пренеслась мечтой
 Въ поля, гдѣ отъ дубравы
 Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
 И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
 И мчится величавый
 Съ вершины горъ потокъ?

.....

Но вотъ ужъ я съ тобой,
 И въ радости нѣмой
 Твой другъ разцвѣлъ душой,
 Какъ ясный вешній день.
 Забыты дни разлуки,
 Дни горести и скуки,
 Исчезла грусти тѣнь!
 Но это лишь мечтанье!

Увы! въ монастырѣ,
 При блѣдномъ свѣчъ сіяньи,
 Одинъ, пишу къ сестрѣ.
 Все тихо въ мрачной кельѣ,
 Защелка на дверяхъ,
 Молчанье, врагъ веселья,
 И скука на часахъ.
 Стулъ ветхій, необитый
 И шаткая постель,
 Сосудъ водой палитый,
 Соломенная свирѣль:
 Вотъ все, что предъ собою
 Я вижу пробужденъ.
 Фантазія! тобою
 Одной я награжденъ!
 Тобою пренесенный
 Къ волшебной Ипокренѣ
 И въ кельѣ я блаженъ!
 Что было бы со мною,
 Богиня, безъ тебя? и проч.

Это, вѣроятно, первые звуки Пушкинской поэзіи. Вскорѣ и публика услышала гармоническое пѣніе, раздавшееся въ тиши лицейской. Въ первый разъ стихи Пушкина появились въ печати въ 1814 году⁵⁴⁾, въ лучшемъ повременномъ изданіи того времени, Вѣстникъ Европы, коимъ завѣдывалъ тогда

---

⁵⁴⁾ Въ 1813 году, въ майской книжкѣ Вѣстника Европы находимъ осмистиніе *На смерть Кутузова*, съ подписью *А. Пушкинъ*. Но оно принадлежит не нашему поэту, а двоюродному дядѣ его, переводчику Мольерова Тартюфа, Алексію Михайловичу Пушкину: такъ

Владиміръ Васильевичъ Измайлѡвъ. Дельвигъ предупредилъ друга своего : ода его *на взятіе Парижа* появилась въ іюньской (12-й) книжкѣ Вѣстника Европы 1814 года; въ слѣдующей книжкѣ находимъ первое печатное стихотвореніе Пушкина. Оно называется: *Къ другу стихотворцу*. Пятнадцатилѣтній поэтъ, изображая передъ Дельвигомъ опасности того поприща, на которое онъ выступилъ, между прочимъ говоритъ:

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто ренѣмы плестъ умбеть,
И перьями скрыпя, бумаги не жалбеть.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину Французѡвъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломо-
носѡвъ,
Пѣвцы безсмертныя, и честь и слава Россѡвъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учать насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Рюматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гниютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станеть вздоръ
читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

.....

Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камозенсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,

утверждаетъ почтенный библиографъ С. Д. Полторацкій. Раньше 1814 года мы не находимъ нигдѣ печатныхъ стихотвореній Пушкина.

Руками чуждыми могилъ преданъ онъ:
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Конечно многіе наши стихотворцы охотно подписали бы свое имя подъ такими стихами. Въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника Европы напечатано было второе стихотвореніе Пушкина: *Кольна (подражаніе Оссіану)*; далѣе въ остальныхъ книжкахъ 1814 года находимъ еще три довольно слабыя піесы его: *Венеръ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала*, *Опытность*, *Блаженство*. Всѣ эти стихотворенія, подъ коими Пушкинъ подписывался разными псевдонимами, доселѣ не вошли въ собраніе его сочиненій. Въ принадлежности ихъ ему удостовѣряетъ рукопись подъ названіемъ: *Собраніе лицейскихъ стихотвореній. Часть I. Напечатанныя піесы*. Въ этой рукописи, принадлежащей лицейскому товарищу Пушкина, барону М. А. Корфу и сообщенной имъ В. П. Гаевскому, находятся всѣ вышеуказанныя стихотворенія⁵⁵⁾.

Талантъ молодого любимца боговъ зрѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ замѣтно росли сила стиха, прелесть выраженія, смѣлость мысли, однимъ словомъ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи сдѣлались всегдашнимъ, неотъемлемымъ его достояніемъ. Пушкинъ неудержимо предавался обаятельному искусству. Поэтическія мечтанія овладѣвали имъ совершенно.

Все волновало нѣжный умъ: .

Цвѣтущій лугъ, луны блистанье ,

⁵⁵⁾ См. Гаевского , стр. 76.

Въ часовнѣ ветхой бури шумъ ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми , досугомъ ;
 За мной повсюду онъ леталъ ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ ,
 И тяжкимъ , пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава ;
 Въ ней грезы чудныя рождались ;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой риемой замыкались .

Стихи грезились ему во снѣ. Такъ, въ Посланіи къ *Лицинію* ⁵⁶⁾, которое умышленно названо переводомъ съ Латинскаго, два слѣдующіе стиха :

Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всемъ общая, какъ чаша круговая,
 сочинены во снѣ ⁵⁷⁾.

Посланіе къ *Лицинію* относится уже къ 1815 году. Годъ этотъ конечно былъ памятенъ Пушкину. Съ него начинается литературная извѣстность и слава его, дотолѣ ограниченныя тѣснымъ Царскосельскимъ кружкомъ. Въ этомъ году подъ стихами его уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили. . . . .

4-го и 8-го чиселъ января въ первый разъ происходило въ лицѣ торжественное пуб-

⁵⁶⁾ См. сочин. Пушкина, т. III, стр. 117—120.
 Вышеприведенные стихи см. въ Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ.

⁵⁷⁾ Сообщено П. А. Плетневымъ.

личное испытаніе. Государь не могъ удостоить его своего присутствія : Онъ жилъ тогда въ Вѣнѣ. Тѣмъ не менѣ посѣтителей собралось множество. Не смотря на разстояніе, друзья просвѣщенія и важныя государственныя лица нарочно пріѣхали изъ Петербурга посмотреть въблизи на этотъ новый рассадникъ наукъ, столь любимый Его Величествомъ. Во время экзамена по предмету Русской Словесности вызвали Пушкина, и онъ прочелъ передъ многочисленнымъ собраніемъ свои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, во многихъ мѣстахъ истинно-прекрасныя ⁵⁸). Всѣ слушатели почувствовали, что это не были обыкновенныя, сочиненныя на заданную тему стихи. Но безъ сомнѣнія немногіе внимали имъ съ такимъ участіемъ, какъ семидесятилѣтній Державинъ, почетнымъ гостемъ сидѣвшій на экзаменѣ. Онъ конечно не могъ безъ сердечнаго волненія слушать эти гармоническія строфы: въ нихъ говорилось о

---

⁵⁸) *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, подѣ коими Пушкинъ въ первый разъ подписалъ полное имя свое, напечатаны въ 1815 году, въ *Россійскомъ Музее*, прекрасномъ по тому времени журналѣ, которымъ завѣдывалъ В. В. Измайловъ, передавшій Вѣстникъ Европы преждему его издателю М. Т. Каченовскому. Измайловъ началъ ими четвертый нумеръ Музея, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодаго поэта, котораго талантъ такъ много общаетъ.»

Екатеринъ , о прошломъ вѣкъ , имъ воспѣтомъ , о немъ самомъ. Разстроганный , онъ поднялся съ кресель и пошелъ обнимать молодого поэта..... Но вотъ собственный рассказъ Пушкина объ этихъ незабвенныхъ для него минутахъ: «Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундиръ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакъ и халатъ) очень похожъ ⁵⁹⁾. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ въ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина ⁶⁰⁾, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ.... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню,

---

⁵⁹⁾ Портретъ этотъ вмѣстѣ съ аспидною доскою, на которой Державинъ написалъ послѣдніе предсмертные стихи свои, находится въ читальной залѣ Императорской Публичной Библиотеки.

⁶⁰⁾ *Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцами.*

куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли....» ⁶¹⁾

Сюда-то относятся слова Пушкина о музѣ своей:

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ.

Успѣхъ насъ первый окриль.

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ

И въ гробъ сходя благословилъ ⁶²⁾.

Или:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ из-
бранный,

Крылатымъ гениемъ и граціей вѣнчанный,

Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой

И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной ⁶³⁾.

Но шестнадцати-лѣтній поэтъ привелъ въ восхищеніе не одного Державина. Всѣ дивились необыкновенному таланту. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о немъ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую его славу. Хозяинъ, обратясь къ Сергѣю Львовичу, который находился тутъ же, замѣтилъ между прочимъ: «Я бы желалъ однажды образовать сына вашего къ прозѣ». — «Оставьте его поэтомъ,» возразилъ съ жаромъ Державинъ ⁶⁴⁾.

⁶¹⁾ См. сочин. Пушкина, т. XI, стр. 176—177.

⁶²⁾ Евгений Онегинъ, вторая строфа послѣдней главы.

⁶³⁾ См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 329—330.

⁶⁴⁾ Передано Сергѣемъ Львовичемъ Баптышу-Каменскому; см. *Словарь его*, 1847 г., ч. 2-я, стр. 64—65.

Двѣ заключительныя строфы стихотворенія, пробудившаго такое всеобщее вниманіе, посвящены Жуковскому. Обращаясь къ нему, Пушкинъ говоритъ:

О Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!

Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,

Взгреми на арфѣ золотой,
Да снова стройный гласъ герою въ честь
прольется,

И струны трепетны посыплютъ огнь въ
сердца....

Предпоследній стихъ относится къ стихотворенію Жуковского, тогда только что появившемуся въ Петербургѣ. 30-го декабря 1814 года А. И. Тургеневъ въ Зимнемъ дворцѣ читалъ Императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, нѣкоторымъ членамъ Царскаго семейства и немногимъ ихъ приближеннымъ *Посланіе къ Императору Александру* ⁶⁵).

Въ это время Жуковскій провздомъ изъ

---

⁶⁵) Объ этомъ чтеніи сохранилось письмо самого Тургенева къ Жуковскому. Посланіе къ Императору Александру писано въ селѣ Долбинѣ (Тульск. губ., Лихвинскаго уѣзда), съ 14-го по 24-е ноября, какъ значитъ въ собственноручной тетради Жуковского, названной имъ: *Долбинскія стихотворенія*. Оно было велико-льпно напечатано, на счетъ Государыни Маріи Θεодоровны, въ 1815 году; слѣдовательно Пушкинъ зналъ о немъ, когда оно было еще въ рукописи.

деревни въ Петербургъ жилъ въ Москвѣ. Пріятель его Василій Львовичъ Пушкинъ получилъ изъ Петербурга новое стихотвореніе племянника своего. Сохранилось любопытное преданіе, что въ одинъ день Жуковскій пришелъ къ друзьямъ своимъ и съ радостнымъ видомъ объявилъ, что изъ Петербурга присланы прекрасныя стихи. Это были *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Онъ принесъ ихъ съ собою, читая вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и говорилъ: «Вотъ у насъ настоящій поэтъ!» ⁶⁶⁾

Жуковскій видалъ Пушкина еще въ Москвѣ ребенкомъ; но настоящее знакомство ихъ началось лѣтомъ 1815 года. Послѣ неоднократныхъ вызововъ вдовствующей Государыни, въ концѣ весны, Жуковскій наконецъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ теченіе лѣта и осени посѣщалъ Царское Село и Павловскъ, гдѣ читалъ Императрицѣ стихи свои ⁶⁷⁾. Надо замѣтить, что въ это время онъ былъ наверху своей славы. Три изданія Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ раскупились въ одинъ годъ. Посланіе къ Императору Александру было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковского на рукахъ. Вдовствующая

---

⁶⁶⁾ Друзья Жуковского доселѣ помнятъ это чтеніе. Однимъ изъ слушателей былъ И. В. Кирѣевскій, коему мы обязаны за сообщеніе этого любопытнаго свидѣнія.

⁶⁷⁾ Жуковскій рассказываетъ объ этомъ въ письмахъ къ друзьямъ своимъ.

Государыня отменно ему благоволила. Тогда-то Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, коимъ испрашивалъ себѣ благословенія у поэта на поэтическое служеніе.

Благослови, поэтъ! въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой
удѣлъ.....

.....
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви
священной?

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламени?ль
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ труд-
ный путь;

Отважной вѣрою исполнилася грудь! ⁶⁸⁾

Жуковский полюбилъ, какъ роднаго, вдохновеннаго юношу. Онъ тотчасъ оцѣнилъ всю

---

⁶⁸⁾ См. замѣчательное посланіе это, появившееся въ печати уже по смерти Пушкина, въ IX т. его сочиненій, стр. 329—334. Оно писано вѣроятно въ концѣ 1816 или въ началѣ 1817 года; заключаемъ такъ по слѣдующимъ стихамъ:

Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными
крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други,
месть!

Озеровъ скончался въ октябрѣ 1816 года.

силу его таланта. По достовѣрному преданію ⁶⁹⁾, 32-хъ-лѣтній, уже славный и опытный поэтъ, выдаясь съ Пушкинымъ, нарочно читалъ ему свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, онъ считалъ произведеніе свое слабымъ, уничтожалъ или поправлялъ его. Между ними рано начались самыя нѣжныя отношенія. Съ нѣжнымъ, отеческимъ участіемъ Жуковскій радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его заносчивость, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ въ послѣдствіи называлъ его своимъ *Ангеломъ-хранителемъ* ⁷⁰⁾.

Въ исходѣ 1815 года Государь окончательно возвратился изъ чужихъ краевъ, вторично побывавъ за Рейномъ, даровавъ снова миръ Европѣ. Разумѣется лицеисты одни изъ первыхъ увидали Его. Пушкинъ, такъ прекрасно Его назвавшій *грознымъ Ангеломъ* ⁷¹⁾, привѣтствовалъ Его возвращеніе

⁶⁹⁾ Сообщенному П. А. Плетневымъ.

⁷⁰⁾ Въ неизданномъ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго, 1824 года.

⁷¹⁾ Вы слыхали, люди добрые,
О царь, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не спималъ съ себя оружія,
Не слъзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И въ ничтожество низверженный

стихотвореніемъ , изъ коего считаемъ нужнымъ привести слѣдующій отрывокъ. Описывая недавно бывшія кровавыя побоища , Пушкинъ говоритъ между прочимъ :

А я.... вдали громовъ , въ сѣни твоей надежной....

Я тихо разцвѣталъ безпечный , безмятежный !
Увы ! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за Тебя подъ градомъ вражьихъ
стрѣлъ !....

Сыны Бородина, о Кульмскіе герои !
Я видѣлъ какъ на брань летѣли ваши строи ;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ ?

Почто, сжимая мечъ младенческой рукою ,
Покрытый ранами не палъ я предъ Тобою ,
И славы подъ крыломъ пауטרъ не почилъ ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ ?⁷²⁾

Александромъ , грознымъ ангеломъ ,
Жизнь проводить въ униженіи —
И, забытый всеми кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ.....

См. отрывокъ изъ поэмы: *Бова* , соч. Пушк., т. IX , стр. 250—251.

⁷²⁾ Стихотвореніе это: *На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году* , не вошло въ собраніе сочиненій Пушкина. Оно напечатано съ полнымъ именемъ Пушкина въ Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов. при Москов. Унив. 1817 года, часть IX, стр. 25—28. Въ протоколъ общества (часть VIII, стр. 193) сказано: «Это стихотвореніе Алек-

Возвращенія Государева ожидали приготовленные къ печати восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго. Въ первыхъ числахъ февраля 1816 года Карамзинъ привезъ ихъ въ Петербургъ, и поднесъ Государю. Кто изъ Русскихъ не знаетъ прекраснаго посвященія, коимъ начинается первый томъ Исторіи Государства Россійскаго? Карамзинъ читалъ друзьямъ своимъ это посвященіе. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, жадно внималъ пльнительнымъ выраженіямъ высокихъ, истинно патріотическихъ чувствъ, запомнилъ все и пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицейскомъ кружку гораздо прежде чѣмъ было напечатано ⁷³⁾. Карамзинъ еще въ Москвѣ часто видалъ Пушкина, будучи пріятелемъ отца его и дяди. Геніальный юноша не могъ укрыться отъ его вниманія. Въ этотъ пріездъ свой Карамзинъ вѣроятно познакомился съ нимъ ближе, и успѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою, одобреніемъ и участіемъ. Пушкинъ такъ говоритъ о томъ:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперспикъ,
мужъ любимый

сандра Пушкина, воспитанника Царскосельскаго лицея читано было въ засѣданіи 28-го апрѣля 1817 г. дѣйств. членомъ Вас. Львов. Пушкинымъ.

⁷³⁾ Этимъ свидѣніемъ мы обязаны И. В. Кирьевскому. Какъ извѣстно, подъ посвященіемъ Карамзинъ выставилъ: 8-е декабря 1815 года.

И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливѣе меня вниманьемъ ободрилъ ⁷⁴⁾.

Но это была лишь минутная встрѣча. Скоро представился случай къ сближенію ихъ. Карамзинъ уѣхалъ въ мартъ въ Москву, но съ тѣмъ, чтобы возвратиться назадъ съ семействомъ своимъ. Государь приказалъ отвести ему въ Царскомъ Селѣ домъ на лѣто. Во второй половинѣ мая онъ оставилъ Москву (уже навсегда, хотя и не предполагалъ того) и поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ Исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, онъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Государства Россійскаго изъ устъ самого исторіографа. Въ послѣдствіи, онъ писалъ къ брату своему, прося прислать Библію: «Библія для христіанина тоже, что исторія для народа. Этою фразой (наоборотъ) начиналось прежде предисловіе исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ ⁷⁵⁾.»

Пушкинъ горячо полюбилъ Николая Михайловича и супругу его, и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковскій, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ,

⁷⁴⁾ См. сочин. Пушкина, т. IX. стр. 329.

⁷⁵⁾ Изъ неизданнаго письма къ брату, писаннаго въ Михайловскомъ, отъ 7-го декабря 1824 года, и благосклонно сообщеннаго намъ С. А. Соболевскимъ. — См. также: Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ, написанное братомъ его, Москва 1853, № 10, стр. 51.

предостерегалъ , удерживалъ , берегъ его , и послѣ спасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Другъ Карамзина, Иванъ Ивановичъ Дмитриевъ , жившій въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ въ званіи министра юстиціи , также почтилъ своимъ вниманіемъ Пушкина , который говоритъ о томъ въ одномъ стихѣ своего посланія къ Жуковскому ⁷⁶⁾:

И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похва-
лилъ.

Столь же рано узналъ Пушкина и Батюшковъ , часто посѣщавшій Сергѣя Львовича еще въ Москвѣ и находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Василиемъ Львовичемъ. Во второй половинѣ 1814 года , онъ воротился въ Петербургъ изъ-за границы; въ это время Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, начинающееся такъ :

Философъ рѣзвый и пѣтъ ,
Парнасскій счастливый лѣнivecъ ,
Харитъ изнѣженный любимецъ ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ !
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ радости пѣвецъ ⁷⁷⁾ ?

⁷⁶⁾ См. сочин. Пушкина , т. IX , стр. 329.

⁷⁷⁾ См. сочин. Пушкина , т. IX , стр. 430—433.

Посланіе это въ первый разъ было напечатано въ I N Россійскаго музея , и подъ нимъ выставлено I.... 14—16, т. е. А. Н. П., знаки часто встрѣчающіеся подъ лицейскими стихотвореніями Пушкина (цензурное дозволеніе этого помера Музея , 22-го декабря 1814 г.).

Убѣждая Батюшкова снова взяться за лиру,
Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

Поэтъ! въ твоей предметы воля!
Во звучны струны смѣло грядь ,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань ,
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ ,
И ты , постигнутый судьбою ,
Какъ Россъ , питомцемъ славы палъ!
Ты палъ , и хладною косою
Едва , скошенный , не увялъ! ⁷⁸⁾

Посланіе разумѣется дошло до Батюшкова.
Онъ самъ совѣтовалъ Пушкину воспѣвать
военныя событія , о чемъ заключаемъ по
слѣдующимъ стихамъ изъ втораго къ нему
посланія Пушкина ⁷⁹⁾.

А ты пѣвецъ забавы ,
И другъ Пермескихъ дѣвъ ,
Ты хочешь , чтобы славы
Стезю полетѣвъ ,

⁷⁸⁾ Это относится къ тяжелой ранѣ , полученной Батюшковымъ весной 1807 года, близъ Гейльсберга, въ сраженіи, которое выдержали Русскія войска съ самимъ Наполеономъ. Батюшковъ долго послѣ того былъ боленъ. Нѣкоторые думаютъ , что именно эта рана потрясла весь организмъ его и въ послѣдствіи отчасти была причиною того печальнаго положенія , въ которомъ нынѣ находится онъ.

⁷⁹⁾ Оно не вошло въ собраніе сочиненій Пушкина, напечатано въ 6 N Россійскаго музея (цензурное дозволеніе марта 29-го, 1815 г.) съ подписью: *Александръ Ижип.*

Простясь съ Анакреономъ ,
 Спѣшилъ я за Марономъ
 И пѣлъ при звукахъ лиръ
 Войны кровавый пиръ.

Къ Батюшкову Пушкинъ сохранялъ неизмѣнное уваженіе. Онъ любилъ особенно свое стихотвореніе *Муза*, потому, что оно «отзывается стихами Батюшкова» ⁸⁰⁾.

Такъ сближался Пушкинъ съ лучшими нашими писателями. Они рано отгадали въ немъ силу гениальную и съ радостнымъ участіемъ приняли въ свой кругъ. Въ то время Русская литература раздѣлялась на два стана. Россійская академія съ предсѣдателемъ своимъ А. С. Шишковымъ, и Бесѣда любителей Русскаго слова съ Державинымъ, кн. Шаховскимъ, Хвостовыми и проч., строго держась старыхъ правилъ искусства, завѣщанныхъ Лагарпомъ и Буало, чуждались нововведеній, возставали на Карамзина и Жуковского, еще любили громозвучныя и высокопарныя оды, уже, осмѣяныя остроумнымъ авторомъ *Чужаго Толка*, и усердно испещряли произведенія свои Славянскими словами и оборотами. *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоги*, соч. А. С. Шишкова (1803) *Новый Стернь*, комедія кн. Шаховскаго (1807) явно направлены были противъ Карамзина. Молодые послѣдователи и поклонники сего послѣдняго рѣшились отвѣчать. В. Л. Пушкинъ защищался отъ ака-

⁸⁰⁾ Собственныя слова Пушкина Н. Д. Иванчину-Писареву, см. Москвит. 1842. № 3, стр. 147.

демическихъ нападокъ Шишкова. Въ 1812 году Д. Д. В. Дашковъ былъ исключенъ изъ С.-Петербургскаго общества любителей словесности за насмѣшливый панегирикъ графу Д. И. Хвостову, торжественно прочтенный въ засѣданіи общества ⁸¹⁾ Въ 1815 году, литературная брань возгорѣлась съ новою силою. Кн. Шаховской написалъ и поставилъ на сцену комедію: *Липецкія воды*, въ которой представилъ въ смѣшномъ видѣ Жуковскаго подъ имѣнемъ унылаго балладника *Фіалкина*. Это подало поводъ друзьямъ Жуковскаго образовать свой кружокъ и самимъ дѣйствовать. Возникъ знаменитый Арзамасъ ⁸²⁾, немилосердо преслѣдовавшій насмѣшками, пародіями, похвальными рѣчами и пр. Бесѣду и Академію. Въ Арзамасъ тотчасъ приняли живое участіе лучшіе писатели, даровитые любители словесности, и назвались именами, взятыми изъ балладъ Жуковскаго, секретаря Арзамаса.

О веселыхъ собраніяхъ новаго литературнаго общества услышалъ въ Москвѣ страстный любитель всякаго рода шутокъ, каламбуровъ и остротъ, Василій Львовичъ Пушкинъ; разумѣется, онъ тотчасъ захотѣлъ при-

---

⁸¹⁾ Подлинный протоколъ Общества, рѣчь Дашкова и подробности о исключеніи его хранятся въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго, столь богатой разнообразными матеріалами для исторіи новой Русской словесности.

⁸²⁾ Первое засѣданіе Арзамаса было 14-го окт. 1815 года.

нять въ нихъ участіе , самъ выбралъ себѣ имя *Вотъ* (столь часто повторяемое въ балладахъ) и въ декабрь 1815 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Арзамасцы торжественно, съ разными обрядами, приняли его и какъ старѣйшаго между ними назвали *старшиною* или *Старостою Арзамаса*.

Мы сочли нужнымъ упомянуть объ всемъ этомъ для того, чтобы читателямъ монятно было слѣдующее письмо Пушкина къ Василью Львовичу, какъ нельзя лучше изображающею отношенія ихъ, неизвѣстно почему называемыя г. Гаевскимъ *далеко не дружественными* ⁸³⁾.

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ ⁸⁴⁾
 На страшной высотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный *Вотъ!*
 Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ,
 Веселья прежняго желанье,

⁸³⁾ См. Современ. 1853, февраль, въ отдѣлѣ критики, стр. 82.

⁸⁴⁾ Намекъ на извѣстное стихотвореніе Василія Львовича: *Опасный сосѣдъ*. Пушкинъ называлъ воспитанаго Василіемъ Львовичемъ *Буянова*, какъ произведеніе дяди, своимъ *двоюроднымъ братомъ*; см. XXVI строфу 5-й главы Евг. Онѣгина, въ исчисленіи гостей, пріѣхавшихъ на именины Татьяны:

Мой братъ двоюродный Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ
 (Какъ вамъ конечно онъ знакомъ).

И слабый сердца переводъ —

Въ стихахъ и прозою послапье.»

«Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсемъ еще разумокъ потерялъ,

Отъ риѣмъ бакхическихкихъ шатаюсь на Пегасъ:

Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ....

Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсемъ не братъ:

Вы дядя мой и на Парнасъ.

«И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ.

Да, каюсь я конечно передъ вами:

Совсемъ не правъ пустышникъ-риѣмоплеть;

Онъ въ лѣнкости сравнится лишь съ богами;

Онъ виноватъ и прозой и стихами:

Но *старое* забудьте въ *новый* годъ.

«Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ, *объщательныя* и *извинительныя*: первыя, въ началъ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли

Простыми пѣснями свирѣли

Красавицъ нашихъ воспѣвать,

И съ пѣвной музой Ювенала

Глухаго варварства пачала

Сатирой грозной осмѣять,

И мучить бѣднаго Ослова

Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!

О вы, которые умѣли
Любить, объдать и писать —
Скажите искренно — уже ли
Вы не умѣете прощать?

«Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ;
не имѣю больше времени, но... надобно ли
еще объщать? Простите, вы всѣ, которыхъ
любить мое сердце, и которые любите еще
меня...»

Шолье Андреевичъ ⁸⁵⁾ конечно
Меня забылъ давнымъ давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любить онъ безопасно
И пить и пѣть свое вино,
И надъ всемирными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно. ⁸⁶⁾

⁸⁵⁾ Шолье — Французскій авторъ. Если мы не ошибаемся, ~~онъ~~ ^{онъ} говоритъ о князѣ П. А. Вяземскомъ, съ которымъ Пушкинъ сблизился вѣроятно въ началѣ 1816 года, когда кн. Вяземскій привѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзиннымъ.

⁸⁶⁾ Посланіе это, писанное вѣроятно въ декабрь 1816 года, не вошло въ собраніе сочиненій Пушкина, кромѣ 5 стиховъ, помѣщенныхъ въ IX томъ (стр. 373) подъ названіемъ: *Дядь, назвавшему сочинителя братомъ*. Мы нашли его въ Сынѣ Отечества 1821 (часть 68, N XI, стр. 178—180; тогда журналъ этотъ издавали

Какъ долженъ былъ радоваться Василій Львовичъ , получивъ это посланіе. Вообще онъ искренно любилъ племянника и спѣшилъ печатать стихи его.

Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ ⁸⁷⁾.

Самъ Пушкинъ , написавшій въ лицѣ около ста стихотвореній , лишь немногія изъ нихъ отдавалъ въ печать и только подъ двумя или тремя выставилъ вполнѣ свое имя. Часто стихотворенія его печатались безъ его воли и вѣдома, о чемъ самъ полусхоту говорить онъ въ одномъ посланіи къ Дельвигу.

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ ,
И плодъ уединенья
Тиснению предають —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружають
Съ улыбкой остряки.
«Ахъ, сударь! мнѣ сказали ,
«Вы пишете стишки?»
«Увидѣть ихъ нельзя ли ?

Воейковъ и Гречъ), гдѣ оно было напечатано конечно безъ вѣдома Пушкина.

⁸⁷⁾ См. сочин. Пушк. т. IX стр. 352.

«Вы въ нихъ изображали,
 «Конечно, ручейки,
 «Иль тихій вѣтерочекъ
 «И рощи и цвѣтки..... 88).

Уже въ то время онъ отличался въ этомъ отношеніи скромностію, порукою истиннаго дарованія, и тою совѣстливою строгостію къ самому себѣ, которой гѣрдо держался до конца и которая не позволяла ему являться передъ публикою иначе, какъ съ произведеніями вполнѣ отдѣланными. Оттого большая часть его лицейскихъ стихотвореній появились въ печати уже по смерти его. Стихотворенія эти разнообразны, какъ и самыя случаи, ихъ вызвавшіе. Въ нихъ часто рисуется передъ нами жизнь разгульнаго, быстро созрѣвавшаго юноши со всѣми восторгами и увлеченіями пылкихъ страстей. Кромѣ лицейскихъ товарищей, кромѣ знакомствъ литературныхъ, у него былъ особенный кружокъ, въ которомъ нерѣдко проводилъ онъ свои досуги и который состоялъ отчасти изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ былъ почти ежедневнымъ собесѣдникомъ его. Пушкина всюду любили за остроту, веселонравіе, неистощимый запасъ шутокъ и всего болѣе за стихи, — а ими онъ, можно сказать, бросалъ на право и на лѣво. Иной стихотворецъ во всю жизнь не написалъ столько стиховъ, сколько Пушкинъ въ шесть лѣтъ лицейской жизни. Сознавъ силу

---

88) См. тамъ же.

своего таланта, онъ рѣшился не расточать его на произведенія мелочныя, и принялся за большой трудъ. Мы говоримъ о поэмѣ Русланъ и Людмила, которой первыя пѣсни писаны въ лицезъ ⁸⁹⁾).

Понятно, что при такомъ направленіи, не могло быть порядка и большихъ успѣховъ въ ученіи формальномъ, въ знаніи уроковъ и отвѣтахъ на экзаменъ. Любопытны отзывы о немъ профессоровъ. Кайдановъ въ вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ лица по части географіи, всеобщей и Россійской исторіи, съ 1-го ноября 1812 по 1-е января 1814 отозвался о Пушкинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго.» Профессоръ Куницынъ говоритъ о немъ, въ вѣдомости почти за то же время: «Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія; а потому успѣхи его очень не

---

⁸⁹⁾ На стѣнахъ лицейскаго карцера долго оставались нѣкоторые стихи Руслана и Людмилы. Ф. П. Калинычъ, учитель каллиграфіи (онъ же и надзиратель) рассказывалъ, что однажды вышедши изъ карцера, Пушкинъ говорилъ, что ему было тамъ весело, что онъ писалъ стихи. Сообщено г-номъ Унковскимъ.

велики, особливо по части логики ⁹⁰⁾.)» Наконецъ аттестатъ, выданный ему изъ лица, свидѣтельствовалъ объ отличныхъ успѣхахъ его въ фехтованіи и танцованіи и о посредственныхныхъ въ Русскомъ языкѣ ⁹¹⁾.

Но если Пушкинъ лѣнился въ классахъ, не выучивалъ уроковъ и въ лицейскихъ вѣдомостяхъ всегда бывалъ въ числѣ послѣднихъ, то въ замѣнъ того онъ предавался чтенію со всемъ жаромъ гениальной любознательности. При своей необыкновенной памяти, быстротѣ пониманія и соображенія, онъ быстро усвоивалъ себѣ разнообразныя познанія. Въ лицейскомъ стихотвореніи *Городокъ*, написанномъ въ первой половинѣ 1815 года ⁹²⁾, онъ перечисляетъ любимыхъ своихъ писателей.

Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ

---

⁹⁰⁾ См. у Гаевского, стр. 67.

⁹¹⁾ Аттестата мы не имѣли случая видѣть, и занимаемъ свѣдѣніе сіе изъ біографическаго извѣстія, написаннаго Л. С. Пушкинымъ. См. Москвит. 1853, № 10, стр. 51. Пушкинъ былъ отменно ловокъ въ танцахъ, въ фехтованіи, въ играхъ, требовавшихъ проворства и тѣлесной гибкости, и проч.

⁹²⁾ См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 410—425. *Городокъ* напечатанъ въ 7 № Россійскаго Музея (цензурное дозволеніе іюня 22-го 1815 г.) нѣсколько въ иномъ видѣ и полнѣе противу сочиненій. Подъ нимъ въ Музеѣ выставлено: 1..... 17—14.

Съ восторгомъ забываю
 Друзья мнѣ мертвецы ,
 Парнасскіе жрецы ,
 Надъ полкою простою ,
 Подъ тонкою тачтою ,
 Со мной они живутъ ,
 Пѣвцы краснорѣчивы ,
 Прозайки шутивы ,
 Въ порядкѣ стали тутъ .
 Сынъ Мома и Минервы ,
 Фернейскій злой крикунъ ,
 Поэтъ въ поэтахъ первый ,
 Ты здѣсь , съдой шалунъ !
 Онъ Фебомъ былъ воспитанъ ,
 Изъ дѣтства сталъ пѣтъ ;
 Всѣхъ больше перечитанъ ,
 Всѣхъ менѣе томить .
 На полкѣ за Вольтеромъ
 Виргилій , Тассъ съ Гомеромъ ,
 Всѣ вмѣстѣ предстоятъ .
 Питомцы юныхъ грацій —
 Съ Державинымъ потомъ
 Чувствительный Горацій
 Является вдвоемъ .
 И ты , пѣвецъ любезной ,
 Поэзіей прелестной
 Сердца привлекшій въ плѣнъ ,
 Ты здѣсь , лѣнтяй безпечный ,
 Мудрецъ простосердечный ,
 Ванюша Лафонтенъ !
 Ты здѣсь — и Дмитревъ нѣжный ,
 Твой вымыселъ любя ,
 Нашелъ пріютъ надежный
 Съ Крыловымъ близъ тебя .
 Воспитаны Амуромъ

Вержье, Парни съ Грекуромъ
 Укрылись въ уголокъ,
 (Не разъ они выходятъ
 И сонъ отъ глазъ отводятъ
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ,
 Съ Мольеромъ исполиномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является отважно
 Въ шестнадцати томахъ:
 Хоть страшно стихоткачу
 Лагарпа видѣть вкусъ,
 Но часто, признаюсь,
 Надъ нимъ я время трачу, и проч.

Вообще Пушкинъ можетъ служить блестящимъ опроверженіемъ того мнѣнія, которое полагаетъ, что гению не нужны ученіе и трудъ. Къ счастью, ему открыты были въ лицѣ всѣ средства для удовлетворенія любознательности и страсти къ чтенію. Для лицействовъ выписывались даже иностранныя газеты. Но, сколько извѣстно, Пушкинъ не любилъ этого рода чтеніе.

Онъ не пробылъ въ лицѣ положенныхъ шести лѣтъ. Зимой 1816 года въ лицейскомъ зданіи былъ пожаръ ⁹³⁾, и необходимыя по сему случаю перестройки вѣроятно ускорили первый выпускъ лицействовъ, назначенный въ маѣ 1817 года. Но прежде

---

9) Сообщено П. В. Нащокинымъ.

чѣмъ говорить о выходѣ Пушкина изъ лица, слѣдуетъ упомянуть о товарищахъ, съ которыми приходилось ему разставаться.

Разумѣется всѣ, или по крайней мѣрѣ большая часть товарищей любили Пушкина, ибо невозможно было не любить его, живя съ нимъ вмѣстѣ. Для многихъ изъ нихъ онъ былъ кумиромъ. Но лучшимъ его другомъ былъ Дельвигъ,

Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений ⁹⁴⁾.

Отсылая читателей къ прекраснымъ статьямъ г-на Гаевского, въ которыхъ собраны о Дельвигѣ всѣ возможные подробности, мы замѣтимъ одно, что Дельвигъ былъ для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ для Карамзина А. А. Петровъ, для Жуковского Андр. И. Тургеневъ, для Батюшкова И. А. Петинъ. Любя Дельвига со всѣмъ пристрастіемъ горячей дружбы, Пушкинъ думалъ видѣть въ немъ тѣ достоинства, которыхъ желалъ самому себѣ. Этимъ объясняемъ мы себѣ его преувеличенныя похвалы.

Но я любилъ уже рукоплесканье,
Ты, гордый, пѣль для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,

Ты геній свой воспитывалъ въ тиши! ⁹⁵⁾

Или, говоря о первыхъ стихотвореніяхъ

⁹⁴⁾ См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 158.

⁹⁵⁾ См. тамъ же, т. III, стр. 20.

Дельвига: «Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо.»⁹⁶⁾

Нѣкоторыхъ товарищей Пушкинъ поминаетъ въ Лицейской годовщинѣ своей 1825 года.⁹⁷⁾

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ.....
 Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
 Еще кого не досчитались вы?
 Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
 Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на братской переключкѣ?
 Кто не пришелъ? Кого межъ вами пѣтъ?
 Опъ не пришелъ, кудрявый нашъ швецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
 Подъ миртами Италиі прекрасной
 Опъ тихо спитъ.....

Стихи эти относятся къ Николаю Александровичу Корсакову, умершему во Флоренціи, въ 1820 году.⁹⁸⁾

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

⁹⁶⁾ См. тамъ же, т. XI, стр. 59—60.

⁹⁷⁾ См. тамъ же, т. III, стр. 16—22.

⁹⁸⁾ О Корсаковѣ см. у Гаевского, стр. 70.

Иль спова ты проходишь тропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
 Счастливыи путь! съ лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнуль шута,
 И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
 О волнъ и бурь любимое дитя!

Тутъ говоритъ Пушкинъ о Федорѣ Федоровичѣ *Матюшкинѣ* (нынѣ контръ-адмиралъ Балтійскаго флота), который въ 1817 г. отправился въ путешествіе кругомъ свѣта съ знаменитымъ мореплавателемъ Вас. Мих. Головиннымъ, на корабль «Камчаткѣ» ⁹⁹⁾.

Въ 9-й строфѣ той же Лицейской годовщины названъ, какъ полагаютъ, Иванъ Ивановичъ *Пуцинъ*; въ 10-й князь Александръ Михайловичъ *Горчаковъ*, нынѣ полномочный министръ нашъ въ Вѣнѣ:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней
 Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
 Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все тотъ же ты для чести и друзей.

Пушкинъ очень любилъ князя Горчакова, написалъ къ нему два посланія ¹⁰⁰⁾. Нако-

⁹⁹⁾ См. Сынъ Отеч. 1817, ч. XXXII, стр. 223 стихотвореніе къ *Матюшкину*, подписанное: *Вильгельмъ*. Въ примѣчаніи редактора говорится о путешествіи Матюшкина.

¹⁰⁰⁾ Одно (въ день именинъ князя) напечатано въ IX т. Сочин. Пушкина (стр. 267—268); другое, пачинающееся стихами:

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 въ Раутѣ на 1854 г.

пецъ предпоследній стихъ 13-й строфы слѣдуетъ читать такъ:

Скажи, *Вильгельмъ*, не толь и съ нами было?

Въ настоящее время изъ товарищей Пушкина осталось только 12 человекъ: князь Александръ Мих. *Горчаковъ* (окончившій учене первыиъ), Дмитрій Николаевичъ *Масловъ* (директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ), Сергѣй Григор. *Ломоносовъ* (полномочный министръ нашъ въ Гагъ) ¹⁰¹⁾, баронъ Модестъ Андреевичъ *Корфъ* (членъ государ. совѣта и директоръ Императорской публичной библиотекы), Сергѣй Дмитриевичъ *Коломовскій* (помощникъ статсъ-секретаря государствен. совѣта), Александръ Алексѣевичъ *Корниловъ* (сенаторъ), Александръ Павловичъ *Бакунинъ* (Тверской гражданск. губернаторъ), Иванъ Васильевичъ *Малиновскій* (сынъ директора, нынѣ отставной полковникъ), Федоръ Федоровичъ *Матюшкинъ*, Михайлъ Лукьяновичъ *Яковлевъ*, Константинъ Карловичъ *Данзасъ* (полковникъ при генераль-кригсъ-коммиссарѣ), Павелъ Николаевичъ *Мясотдовъ* и графъ Сильверій *Броглио* (сынъ эмигранта, съ возстановленіемъ Бурбоновъ еще изъ лица уѣхавшій во Францію,

---

¹⁰¹⁾ Къ брату его, Николаю Григорьевичу, Пушкинъ написалъ въ лицѣ посланіе, напечатанное въ 3-мъ № Россійскаго Музея; отрывокъ изъ него подъ названіемъ *Путешественнику*, начинающійся стихомъ *Судьба на руль уже склонилась*, вошелъ въ собраніе сочиненій Пушкина, см. т. IX, стр. 389.

сдѣлавшійся Перомъ и сохранившій любовь къ Россіи). ¹⁰²⁾

Здѣсь мѣсто напомнить читателямъ лицейскіе стихи Пушкина, въ которыхъ прекрасно выражается нѣжная привязанность его къ лицу и товарищамъ и которые написаны одному изъ нихъ въ альбомѣ ¹⁰³⁾:

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,

---

¹⁰²⁾ Всѣхъ товарищей Пушкина, какъ сказано выше, было 29 человекъ; окончило курсъ 28, ибо одинъ былъ исключенъ. Мы назвали 12 человекъ, еще живущихъ; назовемъ остальныхъ уже умершихъ: Николай Александр. *Корсаковъ*, Федоръ Христіановичъ *Стевенъ* (+ 1851) баронъ Павелъ Федоровичъ *Гревеницъ*, Владиміръ Дмитріевичъ *Вальховскій*, Семенъ Семсевичъ *Есаковъ* (+ 1831), Петръ Федоровичъ *Саврасовъ*, Алексѣй Демьяновичъ *Илличевскій* (стихи къ нему Пушкина см. въ IX т. стр. 393), Павелъ Михайловичъ *Юдинъ*, баронъ Антопъ Антоновичъ *Дельвицъ*, Константинъ Дмитріевичъ *Костенскій*, Аркадій Иваповичъ *Мартыновъ*, Николай Григорьевичъ *Ржевскій*, Александръ Дмитріевичъ *Тырковъ* и еще двое.

¹⁰³⁾ Упоминаемому въ 13 строфѣ Лицейской годовщины 1825 года. — Приведенные стихи см. въ IX т., стр. 391.

Размолвки дружества и сладость примиренья
 Что было и не будет вновь. . . . .

И съ тихими тоски слезами

Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ! она прошла. . . по съ первыми
 друзьями

Не рзвою мечтой союзъ твой заключень;

Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными
 судьбами ,

О милый , втченъ оиъ!

Въ половинѣ мая 1817 года начались въ лицей выпускные экзамены. Они происходили въ теченіи 15 дней, при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицеистамъ вопросы, что дало поводъ къ занимательнымъ отвѣтамъ и преніямъ¹⁰⁴⁾. На экзаменѣ изъ Русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай довольно слабое стихотвореніе *Блзвѣрпе*: въ немъ говорится о состраданіи, которое должно имѣть къ невѣрующему¹⁰⁵⁾. Отвѣты его не были удовлетворительны. Онъ вынужденъ былъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

---

¹⁰⁴⁾ См. Allgemeine Zeitung 1817 года, Beilage. № 106, стр. 426. Извѣстіе объ экзаменахъ и объ актѣ сообщено было въ эту газету директоромъ лицея.

¹⁰⁵⁾ См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 426 — 429; въ первый разъ было напечатано съ полною подписью Пушкина въ Трудахъ Общ. Люб. Р. С. при Моск. Унив. 1817, ч. X, стр. 58 — 61.

Мая 19-го, на имя исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, послѣдовалъ указъ, въ которомъ сказано, что хотя лицеиты собственно назначаются для гражданской службы, но какъ между ними нѣкоторое могутъ имѣть склонность къ военной, то такимъ предоставляется поступать офицерами въ гвардію, по выученію фронтовой службы ¹⁰⁶). Еще прежде было обращено вниманіе на военную часть, и съ 1816 года ниженеръ-полковникъ баронъ Федоръ Богдановичъ Эльснеръ преподавалъ лицеистамъ военныя науки ¹⁰⁷).

9-го іюня происходилъ въ лицее торжественный актъ, удостоенный Высочайшаго присутствія. Когда окончились обычныя чтенія, князь А. Н. Голицынъ поочередно представилъ Его Величеству выпускаемыхъ воспитанниковъ. Государь говорилъ съ ними ¹⁰⁸),

---

¹⁰⁶) См. Полное собраніе законовъ, № 26,875. Изъ 29 лицейстовъ въ военную службу поступили 12 (см. Гаевского, стр. 85).

¹⁰⁷) См. Памятную книжку Лицея на 1852—1853 годъ, стр. 67.

¹⁰⁸) Der Kaiser sprach zu den Junglingen Worte der Liebe und des innigen väterlichen Gefühls; er ermahnte sie, nie von der Bahn der Tugend und der Rechtschaffenheit zu weichen, wenn sie glücklich sein wollten, und ihre Pflichten gegen das Vaterland stets als Pflichten gegen Gott anzusehen. См. Allgem. Zeitung.

напоминалъ имъ обязанности ихъ, и въ знакъ своего благоволенія приказалъ выдавать поступающимъ въ гражданскую службу, до полученія штатныхъ мѣстъ, денежное вспоможеніе изъ государственнаго казначейства ¹⁰⁹⁾.

Въ заключеніе акта прощѣта была прощальная пѣснь воспитанниковъ, сочиненная Дельвигомъ. Директоръ лицея, Егоръ Антоновичъ *Энгельгардъ* (который занялъ эту должность только съ 1816 г. и къ которому всѣ лицеисты питали уваженіе и любовь ¹¹⁰⁾) поручилъ-было написать эту пѣснь Пушкину, но онъ не согласился. Написанное имъ стихотвореніе *Къ товарищамъ передъ выпускомъ* ¹¹¹⁾ не могло быть прощѣто на актѣ. Конечно немногіе изъ лицеистовъ оставляли мѣсто своего воспитанія съ такимъ чувствомъ какъ Пушкинъ, и никто такъ прекрасно не поминалъ его:

¹⁰⁹⁾ Описаніе акта съ исчисленіемъ наградъ профессорамъ и чиновникамъ находится въ 26-мъ № Сына Отечества 1817 года (ч. XXXVIII, стр. 273 — 277. Вопреки г. Гаевскому (стр. 86) въ Сынѣ Отечества актъ описанъ гораздо подробнѣе, пежели въ *Allgemeine Zeitung*. — Денежное вспоможеніе состояло изъ 800 р. титулярнымъ совѣтникамъ и 700 р. коллежскимъ секретарямъ. Мы не знаемъ, получилъ ли ихъ Пушкинъ, принадлежавшій ко второму разряду,

¹¹⁰⁾ По свидѣтельству г. Гаевского (стр. 72) Пушкинъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ ходилъ къ нему на домъ для чтенія Нѣмецкихъ книгъ.

¹¹¹⁾ См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 397—398.

Благослови, ликующая Муза,
 Благослови! да здравствуетъ лицей!
 Наставникамъ, хранившимъ юность нашу
 Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
 Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

Или:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа неразделимъ и въченъ —
 Не колебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Сросался онъ подъ снѣго дружныхъ музъ,
 Куда бы насъ ни бросила судьбина
 И счастье куда бъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
 Отечество намъ Царское Село ¹¹²).

Имя Пушкина доселѣ особенно дорого и любезно всякому лицеисту. Память его свято хранится въ лицей. Около 1835 года въ маломъ лицейскомъ саду (что примыкало къ зданію съ лѣвой руки, если стоять противъ фасада), лицеисты поставили небольшую мраморную пирамиду, на одной сторонѣ которой было написано: *Genio loci*, а на другой: *Septimus cursus erexit* ¹¹³).

П. Бартенева.

¹¹²) См. тамъ же, т. III, стр. 16—22.

¹¹³) Сообщено г. Унковскимъ. Когда лицей переехалъ былъ въ С.-Петербургъ въ 1843 году, лицеисты раздѣлили между собою мраморные куски этой пирамиды.

(Изъ №№ 71—118 Московск. Вѣдомост. 1854 г.)

въ Унивѣрситетской Типографіи.